

Время МК - 2003 - 19 марта - с. 11.

Весенний инстинкт

Режис Обадья поставил
«Весну священную» в русском
камерном балете «Москва»

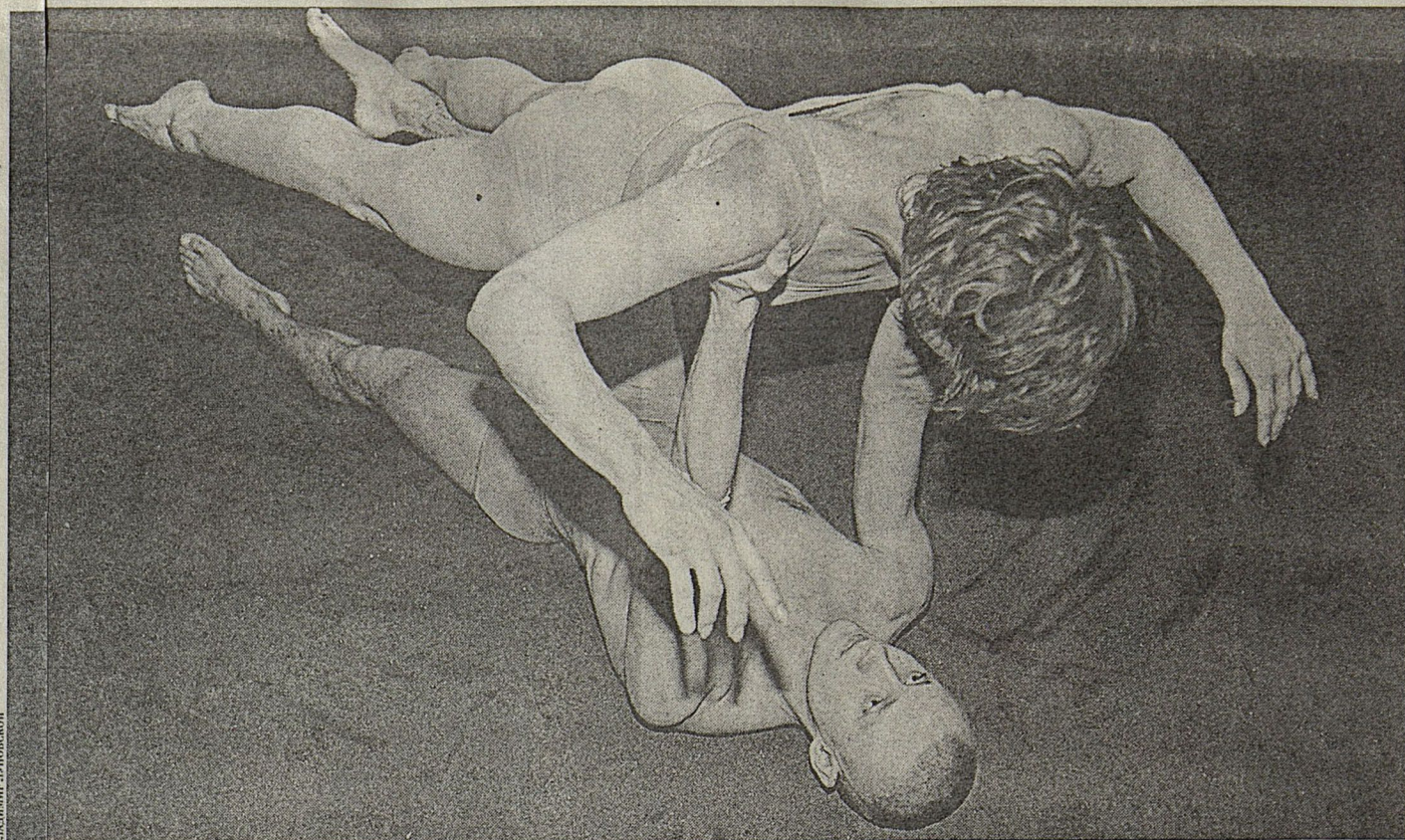
Лейла Гучмазова

Мощнейшую партитуру «Картин языческой Руси в 2 частях» после оригинала Дягилева — Стравинского — Нижинского — Рериха трактовали лучшие музыканты и лучшие хореографы: Марта Грэхэм, Морис Бежар, Глен Тетли, Джон Ноймайер и прочая... Семнадцатого марта в эту компанию попал французский хореограф Режис Обадья. В 1994 году он вместе с труппой национального хореографического центра «Анже» приезжал в Москву со спектаклем «Добро пожаловать в Рай», тогда и запомнился оригинальным стилем с головоломными поддержками и тонкой работой в парах. Нынешним приездом в Москву он обязан балету «Москва», ставшему продюсером совместного проекта.

На сцене — постурбанистический пейзаж: обломок стены со скобами, черный песок по планшету. То и другое — участники действия, а пока шестеро женщин вязнут в медитативных плне. Как только у Стравинского вступает группа ударных, на них обрушиваются шестеро мужчин. Как две разные жидкости, неразделимые друг в друге, мужчины и женщины сходятся волнами; выплескивают друг друга на стену, швыряют в черный песок (приликая к телам, он оставляет странные татуировки). Поле между двумя группами накаляется и — для разрядки — женщины сдергивают с себя платья. Но у Стравинского и хорошо его услышавшего постановщика припасено еще несколько фальшь-пиков. В следующем мужчины выплескивают жертву — Ее. Настоящая жертва — не пара, а только Она. Обадья к ней не жесток, но любителям матриархальной модели мира и гендерных изысканий есть над чем поработать.

Труппа готовилась к спектаклю, как невеста к замужеству: после успеха «Взлома» в постановке голландца Нортон артисты словно развеяли собственный комплекс неполноценности. Но с Обадьей им пришлось гораздо трудней. Его фирменный стиль оказался страшно тяжел физически — до загнанности, до пены на губах. Танцы вокруг жертв становятся дословно ритуальными, с тяжелыми прыжками, обрывками хоровода, с тенью народного танца. Говоря о все побеждающем инстинкте и о неизбежности жертвы, Обадья придумал как минимум три очень красивые картины: когда артисты живой фреской двигаются к авансцене и, застыв в ломаном хороводе, цитируют «Танец» Матисса.

И все-таки, все-таки. Обадья переварил напичканную образностью партитуру так же верно, как версию Бежара, и сделал нечто вполне свое. Но осталось чувство, что он не пошел до конца. Не удовлетворился физикой тел, заставляя артистов вытравить из себя балетные красоты. Не почувствовал в них глубины или в себе силы, чтобы изменить что-то кардинально. Не решился на шок: содранный до души, а не до трико одежда на танца заставляла бы прийти на спектакль всех, кто имеет к танцу хоть какое-то отношение.

Обадья пытался заставить артистов вытравить балетные красоты

Каждый балетмейстер нуждается в конфронтации

После премьеры Режис Обадья ответил на вопросы нашего корреспондента Лейлы Гучмазовой.

— Вашу «Весну...» можно рассматривать как постмодернистский извод многочисленных предыдущих версий?

— Нет, это невозможно. Я скромный творец. Сколько раз была перепесана «Мона Лиза»? Просто каждый хореограф в какой-то момент своей жизни нуждается в конфронтации именно с этой музыкой. Мне кажется, та энергия, с которой я работал всю жизнь, как-то связана с пульсацией Стравинского.

— Скромность очень вредит современному хореографу?

— Я не играю ни в скромника, ни в мэтра. Когда я ставлю, в меня будто что-то вселяется, это как миссия — что-то выполнить, найти, передать. К тому же в

творчестве всегда есть доля страдания, а я, как только заканчиваю пьесу, сразу хочу сделать другую. Наверное, это мне необходимо.

— Ваше страдание не вошло в противоречие с энергетикой балета «Москва»? У этих ребят любовь к жизни прямая ребяческая.

— Ну, я пытался им передать что-то другое. У нас совершенно разное воспитание и разный способ мыслить о танце, к тому же я никогда прежде с этими людьми не работал. Чтобы все получилось, я был обязан в очень короткий срок дать им почувствовать и сам танец, и манеру, в которой они должны все это исполнять на сцене. Посмотрим, что получится.

— Вы известны как автор видеоданспектаклей. Вам не кажется, что камера в какой-то момент начинает диктовать, съедать танец?

— Зависит от произведения и от та-

ланта. У театрального зрителя есть непосредственный контакт со спектаклем, а в том, что снято на видео, исчезает 60 процентов посыла. Я хотел найти специально для фильма особый характер письма, чтобы эмоции сохранились. То есть вообще-то я начал с интересов танца, потому что это был мой мир, но кино меня очень увлекло. Сегодня мне интересно сделать настоящий большой фильм.

— Ваша жена — мало того что русская, но еще и актриса. Это помогает или мешает в работе?

— У Лизы — трезвый взгляд на то, что я делаю, ее предложения по драматургии и музыкальному решению бывают очень точными. Мы дополняем друг друга. Она очень хорошо поет, пишет сценарии. За шесть лет она отдала мне очень много времени и энергии. Надеюсь, когда-нибудь и я отплачу ей тем же.

Обадья Режис